

Дюверже Морис

Политические
партии

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ГО "ЛАБОРАТОРІЯ
ЗАКОНОДАВЧИХ
ІНІЦІАТИВ"

Академический Проект

Москва

2000

ваться на базе уже имеющихся классовых организаций и принять непрямую форму. Мы говорили выше о структуре рабочей партии Бельгии, базирующейся на кооперативах; в Швеции профсоюзы в 1898 г. приняли решение относительно обязательного присоединения к социал-демократической партии, что и придало ей характер, аналогичный партии лейбористов. Однако решение о необходимости специального заявления о вступлении, принятое в 1908 г., привело к тому, что численность партии упала со 112 000 до 60 000 (система *contracting out* установилась здесь только после этого).

Во Франции, напротив, всеобщее избирательное право позволяло рабочему классу участвовать в политической жизни в то время, когда развитие профсоюзного движения сдерживалось разного рода барьерами (законодательного и иного порядка), порожденными воспоминаниями о Коммуне. Рабочая партия была создана Жюлем Гедом в 1879 г.; Всеобщая конфедерация труда — только в 1902 г.: синдикалистская структура партии была попросту невозможна, потому что ее организация предшествовала возникновению профсоюзов. Когда же профсоюз появился, он оказался перед лицом уже могущественной к тому времени социалистической партии, которую он считал слишком парламентской, слишком доктринерской и слишком «буржуазной», но с которой он не мог соперничать, разве что рискуя расколоть рабочий класс. Все это естественно ориентировало новую организацию на чисто профессиональную деятельность. В других странах, например, в Германии, партия достигла такой степени развития по сравнению с профсоюзами, что те приняли характер явно подчиненный, превратившись чуть ли не в инструмент партии. В Англии положение обратное: здесь партия выступает орудием профсоюзов. В Бельгии ситуация была почти такой же до 1945 г.: профсоюзы развивались в рамках партии как своего рода придаточный организм, а кооперативы послужили первым базовым элементом не прямой структуры.

Было бы заманчиво обобщить эти наблюдения и дать принципиальную социологическую схему: если профсоюзы и кооперативы родились раньше социалистической партии, для нее естественной была тенденция организовываться в их рамках, на базе непрямого участия; и, напротив, если партия была старше профсоюзов, она возникла классическим путем прямой структуры, а склады-

вающиеся профсоюзы тяготели либо к автономии, либо к подчинению партии — в зависимости от ее мощи в момент их появления. Однако придавать этому выводу форму абсолютного социологического закона было бы неверно. Если же рассматривать его как выражение общей тенденции, способной при взаимодействии со многими другими факторами смягчать или подавлять их действие, он выглядит вполне приемлемым в качестве объяснительного принципа.

II. БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Партия — это не просто общность, но совокупность общностей, множество рассеянных по стране малых объединений (секций, комитетов, местных ассоциаций, etc.), связанных координационными институтами. Термин «базовые элементы» и означает эти исходные составные клетки партийного организма. Противоположность прямых и не прямых партий характеризует горизонтальный срез; понятие базового элемента — срез вертикальный. Каждое из корпоративных или профессиональных объединений, составляющих не прямую партию, само представляет собой совокупность базовых элементов: профсоюзов, кооперативов, крестьянских союзов, локальных лиг средних классов и т. д.; сами по себе они не имеют политического характера, а партия сверху донизу выглядит всего лишь их агломерацией. С другой стороны, не будем смешивать базовые элементы — эти материнские клетки партии, и так называемые придаточные организмы — институты, которые тяготеют к ней, существуют, так сказать, в ее силовом поле, и созданы либо для объединения сочувствующих, либо для усиления связей со своими собственными членами (молодежные движения, женские организации, спортивные лиги, культурные учреждения и т. д.). К тому же не всегда легко установить различие между ними и профессиональными и корпоративными общностями, союз которых образует не прямые партии: профсоюзы, например, выступают то как придаточные организмы (прямой партии), то как одна из ветвей самой партии (непрямой). И только всесторонний анализ партийной структуры в каждом конкретном случае позволяет дать правильную оценку.

Базовые элементы любой партии представляют собой оригинальные структуры. Комитет французских радикал-социалистов, секция СФИО, комитеты и избирательные агенты американских партий, ячейки коммунистических партий, «фашии» итальянской фашистской партии — все эти институты коренным образом отличны друг от друга. Каждая партия имеет свою собственную структуру, которая почти не похожа на структуры других. И тем не менее можно выделить четыре крупных типа базовых элементов, к которым можно свести большую часть существующих партий: комитет, секция, ячейка и милиция (франц. *milice* — милиция, ополчение, армия, войско, военизированный отряд. — Прим. перев.).

КОМИТЕТ

Этот французский термин обозначает почти ту же реалию, которая в англосаксонской терминологии именуется *caucus* [2]. Комитет отличается прежде всего своим закрытым характером. Он невелик по численности и не стремится ее увеличить. Он не ведет никакой пропаганды с целью привлечь пополнение. Он, кстати, вообще не занимается членами партии в настоящем смысле этого слова, ибо комитет — это ограниченная и закрытая группа; в нее не может войти всякий, кто пожелает: вернее будет сказать, что сюда проникают лишь путем своего рода негласной кооптации или формального выдвижения. Несмотря на келейный характер, комитет тем не менее может располагать большой властью. Его сила — не в количестве членов, но в их качестве. Он представляет собой объединение нотаблей [3].

Комитет функционирует на довольно большой территории, которая обычно соответствует избирательному округу. Во Франции комитеты действуют в основном в рамках округа, который был основной политической единицей во времена Третьей республики. В Америке комитеты по-прежнему играют важную роль на уровне графств, где происходят выборы на главные административные посты, занимаемые посредством *spoils system* [4].

Активность комитета носит циклический характер: она достигает максимума в период выборов и значительно снижается в перерывах между ними. В итоге комите-

ты имеют переходный характер: это не случайное объединение, созданное на одну избирательную кампанию и исчезающее вместе с ней; но все же это пока еще и не вполне постоянный институт, подобный современным партиям, которые никогда не прекращают агитации и пропаганды.

Отметив эти общие черты, можно выделить несколько типов комитетов. Прежде всего, это комитеты «прямые» и «непрямые». Комитеты французских радикал-социалистов — хороший пример первого типа. Они объединяют нотаблей, избранных в силу их индивидуальных качеств, некоего ореола, которым окружена их личность. Это влиятельные коммерсанты, средние деревенские собственники, нотариусы или врачи (сельские или из небольших городков), чиновники, профессора и преподаватели, адвокаты, etc. Никто из них формально не представляет какой-либо класс или социальную группу; они никем не уполномочены, но они — личности. Их отбор не основан на сколько-нибудь определенном критерии; это результат той особого рода кооптации, которую выше мы назвали молчаливой. Рассмотрим в противоположность этому комитет лейбористской партии в избирательном округе до введения индивидуального членства: он складывался из членов, избранных соответственно местными отделениями профессиональных союзов, профессиональных советов, социалистических обществ, кооперативных организаций и т. д. Базовый элемент лейбористской партии был образован собранием делегатов всех локальных базовых элементов каждой из общностей, объединение которых создавало партию: речь шла о комитете непрямом. Столь непохожий на комитет французских радикалов (прямого типа), он все же напоминает его в силу общих черт, которые мы только что отметили: каждый из членов лейбористского комитета тоже имеет характер нотабля, но не в силу своих выдающихся личных качеств, а благодаря определенным делегированным ему полномочиям. Эта особенность отражает переход от принципа традиционных элит, образующихся по принципу происхождения или путем естественного отбора, к принципу элит институциональных, то есть выдвинувшихся благодаря доверию организованных масс.

«Комитеты нотаблей» можно было бы противопоставить «комитетам техников», состоящим из людей, избранных отнюдь не благодаря их выдающимся челове-

ским качествам, а прежде всего в силу знания ими технологии выборов; таковы комитеты американских партий. Однако эти «техники» встречаются не столько в самих комитетах, сколько на уровне избирательных агентов, представляющих комитет в более узких рамках, на местах: они-то и позволяют партии охватить своим влиянием всю страну, включая самые отдаленные районы. Во Франции эти комитеты, образованные на уровне округов, стремятся располагать агентами в каждой коммуне. В США комитеты, учрежденные на уровне графств или городов, координируют деятельность агентов комитетов избирательных округов — здесь приблизительно 3 000 графств и 140 000 округов. Избирательных агентов не следует смешивать с добровольными пропагандистами, которые помогают комитетам во время избирательных кампаний, например, *knvassers* (англ. человек, вербующий сторонников перед выборами. — *Прим. перев.*) в Англии: они соответствуют французскому понятию «симпатизант» (франц. *sympathisant* — сочувствующий. — *Прим. перев.*), которое мы далее еще уточним; все они составляют элемент самой инфраструктуры партии.

Очень важно было бы дать детальный анализ роли и положения избирательных агентов. Они редко бывают настоящими функционерами комитета, получающими от него жалование и работающими на него все время. Но не являются они и чисто добровольными помощниками, подобно симпатизантам, о которых мы говорили выше. Обычно агенты занимают промежуточное положение, получая от партии некоторое материальное вознаграждение, но сохраняя также и свою частную профессию, что дает им известную независимость. Однако в США агентов иногда целиком содержит партия, прямо или завуалированно (закрепляя за ними какой-нибудь административный пост, более или менее фиктивный, что позволяет им работать на партию). Особое место в когорте избирательных агентов занимают торговцы спиртным. Какая площадка более удобна для политической пропаганды, чем бар, таверна или паб, куда приходят отдохнуть, встряхнуться, где всегда можно найти компанию и свободно потолковать? И кто же лучше хозяина может направлять подобные дискуссии и таким образом ненавязчиво распространять нужные идеи? Немного психологии — и этот человек способен оказать немалое воздействие: партии знают, кто может привлечь

к ним людей. Бистро становится Агорой [5] современных демократий...

Комитеты представляют архаический тип структуры политических партий. Они являются обычной организационной единицей партий в эпоху господства цензового избирательного права или в тот период, когда система всеобщего избирательного права еще делает свои первые шаги. Комитеты (за исключением не прямых) объединяют традиционные социальные элиты: их состав, как и их структура, несет на себе печать буржуазного и мелкобуржуазного влияния (слабость коллективной организации, преобладание индивидуалистических соображений). Говоря языком марксизма, комитеты суть типичное политическое выражение класса буржуазии. В конце XIX века в Европе можно было бы выделить (несколько схематизируя) два типа комитетов: одни, представляющие консервативные партии, включали аристократов, крупных промышленников, банкиров и даже влиятельных духовных лиц; другие — либеральные и радикальные (во французском значении этих терминов) — состояли из коммерсантов и средних предпринимателей, функционеров, профессоров, адвокатов, журналистов, писателей.

Вообще говоря, партии цензовых режимов XIX века есть не что иное, как федерации комитетов. Преимущество этих комитетов по отношению к избирательным комитетам предысторических партий очевидна. Стоило отойти от традиции создавать последние на каждых выборах по принципу *ad hominem* (лат. — от человека. — *Прим. перев.*), как они пережили выборы и достигли относительного постоянства, став комитетами партий в собственном смысле слова. И не всегда легко бывает определить, где заканчиваются одни и начинаются другие.

Введение всеобщего избирательного права не повлекло за собой немедленного исчезновения системы комитетов во всех странах. Поскольку народные массы не могли создать собственных организаций (профсоюзных или политических), они действовали в прежних рамках. Комитеты же искали средства влияния на них, главным образом умножая количество избирательных агентов. Это выливалось в стремление (иногда бессознательное) навязать народным массам прежние структуры, чтобы, невзирая на всеобщее избирательное право, сохранить их пассивную роль и тем ограничить его политические следствия. Конечным итогом использования приемов, непо-

средственно рассчитанных на привлечение масс (например, система секций), часто оказывался упадок комитетов.

Но не это главное. Сначала система не прямых комитетов омолодила старую организацию партий и позволила ей неплохо приспособиться к новой социальной структуре. Заменяв буржуазных нотаблей, пользовавшихся привилегией происхождения или собственности, представителями рабочих, профсоюзных или кооперативных организаций, она позволила создать в рамках комитетов действительно народные, по-настоящему массовые партии, такие, как британская лейбористская, например. Нужно признать, однако, что сами эти рамки значительно изменились: различие структур старых английских консервативных или либеральных комитетов и лейбористских комитетов огромно; не прямые комитеты имеют характер, явно отличный от комитетов классического типа. Несмотря на развитие демократии, комитет всегда занимал весьма значительное место в современной структуре политических партий. Можно назвать в качестве примера правые партии в большинстве стран мира; особый случай в этом отношении — американские партии. Для первых это вполне естественно. Буржуазию, которую они представляют, всегда отпугивает регламентация и коллективное действие, которые предполагают секции и ячейки. Она стоит за признание традиционных элит, возникающих благодаря происхождению или свободной конкуренции. И естественно, что она всегда обретает свое политическое выражение в рамках комитетов. Это, кстати, одинаково характерно и для консервативной крупной, и для мелкой буржуазии — либеральной и прогрессивистской в начале века, но имеющей тенденцию постепенно подстраиваться к крупной. Фактически, английские консерваторы, скандинавские либеральные и консервативные партии, французские правые и радикалы всегда были организованы на базе комитетов. Иные из них тщетно пытались освоить секции, не соответствовавшие их социальной инфраструктуре.

В обеих больших партиях США, насколько их можно сравнить с европейскими, дело обстоит точно так же. Правда, это сравнение во многих отношениях некорректно. Американские партии прежде всего — избирательные машины, которые обеспечивают выдвижение кандидатов на всякого рода предварительных выборах,

официально организуемых по законам соответствующих штатов о съездах или «праймериз», и в этом смысле они представляют собой совершенно оригинальные организмы. С другой стороны, они не носят характера идеологических группировок или классовых общностей: каждая из них объединяет людей самых различных взглядов и весьма различного социального положения на всей огромной территории США. Речь идет в основном о технологических командах специалистов по завоеванию голосов и административных постов, распределяемых посредством *spoil system*. Эти технологи, кстати, зачастую взаимозаменяемы: *captains* порой ставят свою компетентность на службу соперничающей партии так же просто, как инженер сменяет хозяина. Но все это не чуждо и европейским партиям, имеющиеся различия касаются скорее методов, нежели целей. А с другой стороны, и у американских партий мы обнаружим черты политических и парламентских приемов, характерных для их собратьев в Старом Свете: здесь нет абсолютной противоположности, сравнение в известной мере остается возможным.

Американские партии с некоторыми оговорками можно считать базирующимися на основе комитетов. Следовало бы к тому же отличать комитеты, входящие в официальную иерархию, начиная от комитетов графств, городских районов или городов — и так вплоть до Национального комитета, и комитеты официозные, негласно создаваемые боссами и машинами. Это по-прежнему небольшие группы нотаблей, личное влияние которых несопоставимо с их числом, и эти нотабли включены в машину по принципу все той же классической системы прямых комитетов. Тот факт, что эти нотабли часто принадлежат к особой породе профессиональных политиков, ничего не меняет. Таким образом, американские партии в целом имеют весьма архаичную структуру. Несмотря на развитие института избирательных агентов и технологический характер комитетов, они, тем не менее, не выходят за пределы старых политических рамок буржуазной демократии. Объяснение этого феномена заслуживало бы стать предметом особого изучения. Проблема состоит не в том, почему американские партии не заменили комитеты секциями или ячейками — как показывает опыт, сегодня во всем мире очень немногие партии трансформируют свои структуры в этом направлении:

старые европейские партии остаются верны комитетам точно так же, как и их заокеанские собратья. Подлинная проблема состоит в том, чтобы объяснить: почему всеобщее избирательное право и выход масс на арену политической жизни не привели здесь к формированию левых партий современного типа? Отсутствие в Америке крупной социалистической партии объясняют отсутствием классового сознания у американского рабочего, его глубоким индивидуализмом — его, как сказал бы Ленин, «мелкобуржуазным характером». Архаичная структура американских партий кажется, таким образом, следствием принципиального консерватизма американской политики (в европейском смысле слова). Обе большие американские партии по существу расположились бы справа или в центре, следуя европейской парламентской географии; а тот факт, что они все еще основываются на комитетах, вполне соответствует общей тенденции, о которой мы говорили выше.

СЕКЦИЯ

Уже сам термин «секция» обозначает базовый элемент, гораздо менее децентрализованный, чем комитет: секция (отделение) — не что иное, как часть целого, ее самостоятельное существование немислимо; напротив, сам термин «комитет» указывает на автономную реальность, которая может существовать изолированно. На практике видно, что партии, основанные на секциях, более централизованны, чем те, базовым элементом которых является комитет. Но глубокой оригинальностью отмечен не только способ интеграции секций в единое целое, но и сама их структура. В этом смысле можно было бы дать определение секции, просто черта за чертой противопоставляя ее комитету. Характерная особенность комитета — келейность, секции — широта охвата: она стремится привлечь сторонников, умножить их число, увеличить свой состав; секция не пренебрегает качеством, но количество заботит ее прежде всего. Комитет представляет собой закрытую группу, куда входят только путем кооптации или делегирования — секция широко открыта. Практически, чтобы в нее войти, достаточно этого пожелать. Разумеется, большинство партий устанавливает правила приема, определяет условия вступле-

ния, как мы это далее увидим; но эти правила в основном существуют теоретически, по крайней мере при системе секций (это меньше касается системы ячеек). Комитет объединяет только нотаблей, выдвинувшихся в силу их влиятельности — секция обращает свой призыв к массам.

Секция ищет путей контакта с массами, вот почему ее территориальная база часто более ограничена, чем у комитета. Во Франции, например, комитеты чаще всего функционируют на уровне округа; секции учреждаются в рамках коммуны. В больших городах они имеют тенденцию разрастаться даже за счет кварталов. Некоторые партии (но не все) допускают в секциях и более мелкие подразделения, что позволяет надежнее охватывать членов партии: это «блоки» и «дома» немецкой и австрийской социалистических партий, «группы» французской социалистической партии. Однако можно отметить некоторое недоверие к слишком мелким подразделениям, порождающим соперничество и анархию: так, устав французской социалистической партии, унифицированный в 1905 г., утверждал примат секции над группой, лишая последнюю всякой автономии с целью противодействовать раздорам между группками, которые так ослабляли прежние социалистические партии. Наконец, постоянство секций противостоит периодичности деятельности комитета. За исключением выборной кампании, комитет пребывает в состоянии спячки, его собрания эпизодичны и малопродуктивны. И напротив, активность секций, исключительно высокая в период выборов, остается значительной и регулярной и в интервале между ними. Секции социалистов собираются раз в месяц или даже каждые 15 дней. И сами их собрания носят иной, чем у комитетов, характер: речь идет не только об избирательной тактике, но и о политическом воспитании. Партийные ораторы приходят сюда для обсуждения с членами секций самых различных проблем; за докладом обычно следует дискуссия. Конечно, как показывает опыт, эти дискуссии имеют обыкновение уклоняться в сторону незначительных местных и избирательных вопросов; но партии обычно прилагают достойные усилия, чтобы противодействовать этому и отводить основное время дебатам о доктрине и темах, вызывающим общий интерес.

Поскольку секция представляет собой более многочисленную группу, чем комитет, она обладает и более

совершенной внутренней организацией. В комитете иерархия весьма элементарна: обычно там обозначена личная роль шефа — и только. Эта роль иногда оказывается решающей: в США комитет — зачастую всего лишь окружение босса. Иногда есть функции и официальные титулы: председатель, вице-председатель, казначей, секретарь, архивист. Но речь вовсе не идет о строгом распределении обязанностей; это скорее почетные знаки отличия (титул председателя пользуется особым престижем). В секции же иерархия более определена и распределение обязанностей более четкое. Имеется бюро, организованное для руководства объединением членов; под этим понимается, как минимум, секретарь, обеспечивающий созыв и определение повестки дня, и казначей, который ведает сбором членских взносов. Бюро регулярно обновляется с помощью выборов, как мы далее увидим.

Секции — это изобретение социалистов. Создававшиеся с чисто политическими целями и на основе прямой структуры, социалистические партии естественно избрали ее в качестве базового элемента своей деятельности. Некоторые непрямые социалистические партии также приняли ее: например в Бельгии инициативная группа Рабочей партии была сперва местной рабочей Лигой, объединившей членов профсоюза, страховых касс, кооператоров; многие из них входили одновременно в несколько организаций. Это умеренный вариант не прямой структуры, он близок к прямой партии, располагающей множеством придаточных организмов, призванных усилить охват приверженцев. Выбор секции для социалистических партий стал совершенно естественным. Ведь они были первыми, кто преследовал цель организовать массы, воспитать их в политическом отношении и выделить из их среды новые — народные — элиты. Секции соответствовали всем трем этим требованиям. По отношению к комитету — органу политического самовыражения буржуазии — они возникли как естественная форма политического самовыражения масс. Однако и в массе отнюдь не все принимали идею социализма, и различные буржуазные партии попытались привлечь этот контингент к себе, действуя теми же самыми методами, которые принесли успех рабочим партиям. Во многих странах партии центра и даже правые именно таким образом трансформировали свою структуру, заменив комитеты секциями в

качестве базового элемента. Почти все новые партии, а равно и многие старые, последовали этой тактике — интересный пример заимствования структур.

Однако результаты такого заимствования ограничены. В большинстве консервативных и центристских партий, принявших систему секций, последняя существовала больше в теории, чем на практике. Периодичность сборов, как правило, была низкой (общее собрание один раз в год, по уставу христианско-социалистической партии Бельгии, например; в то же время из 677 секций, существовавших в Валлонии в 1948 г., 233 собирались даже не каждый месяц)¹. Регистрация членов и регулярность уплаты взносов никак не контролировались: так что кроме бюро и небольшого ядра активистов, никто точно не знал, что же делает остальная часть секции. Это ядро нередко значительно сокращалось, так как отсутствие на собрании строго каралось (существовала целая шкала наказаний); фактически собрания секций иногда не очень то отличаются от заседаний комитета, если говорить о количестве присутствующих. Настоящий базовый элемент партии — это по существу бюро секции, которое регулярно собирается и обеспечивает повседневное функционирование партии. Так называемое бюро — не что иное, как комитет несколько специфического типа, а под видом секции вообще продолжает здравствовать чуть изменивший свою форму, несколько омолодившийся добрый старый комитет. Руководители партий обычно сетуют на такое положение дел, вместе с тем осознавая, что оно неизбежно, поскольку связано с социальной инфраструктурой данного образования. Буржуазия — будь то мелкая, средняя или крупная — мало ценит коллективное действие, зато считает вполне удовлетворительной (кстати совершенно напрасно) свою политическую просвещенность и не видит необходимости в знаниях, которые можно почерпнуть на собраниях секции; в самой этой среде с трудом можно найти преданных делу руководителей, которые могли бы сделать собрания интересными; ее нравы и привычки доставляют ей совсем иные развлечения, чем эти маленькие политические кружки, столь ценимые рабочим классом; у нее есть другие способы утвердить свою социальную значимость, и она всегда сохраняет известное пренебрежение к политике, тогда как

¹ Bulletin du Parti chrétien social. 1948. P. 420.

народные массы, напротив, видят в ней средство восхождения. Мотивы иного рода порождают подобные же настроения и в среде крестьян, так что система секций соответствует в основном менталитету рабочих. Все это хорошо известно, соответствующие положения социальной психологии стали уже общим местом — варьируются лишь проявления в зависимости от страны, расы, традиций. Но печать общей ориентации обнаруживается, кажется, повсеместно.

Тем не менее заимствование системы секций консервативными и центристскими партиями представляет значительный социологический интерес. Если ее берут на вооружение исключительно из соображений повышения эффективности политического действия, которое она обещает, и расчета на то, что таким путем можно будет привлечь в свои ряды более или менее значительную часть рабочего класса, это означает, что самым глубоким мотивом такого заимствования оказывается желание демократизировать партию, придать ей структуру, более созвучную политическим доктринам времени. Комитет — структура, без сомнения, недемократичная (кроме не прямой его формы, которая и ныне продолжает оставаться исключением): эта малая закрытая группа, состоящая из нотаблей, наполовину кооптированных, носит явно олигархический характер. И напротив: всем открытая секция, руководители которой избраны ее членами (по крайней мере, теоретически), соответствует требованиям политической демократии. Таким образом, секция представляет собой легитимную — в социологическом смысле термина — структуру партии: институт, который отвечает господствующим доктринам эпохи, наиболее распространенным верованиям и представлениям о природе и форме власти, безусловно легитимен. Заимствование секции консервативными партиями имеет тот же смысл, что и принятие всеобщего избирательного права и парламентского режима непросвещенными и феодальными нациями: жертвоприношение идеям века, дань, которую порок платит добродетели (если считать добродетелью ортодоксию, а пороком — инакомыслие). Большого практического значения оно не имело, ибо недостаточно одних доктрин, чтобы гарантировать функционирование институтов, если последние не приспособлены к социальной инфраструктуре, которая их поддерживает.

За исключением социалистов, одни только католические партии и партии фашистского толка смогли заставить секцию реально жить, как это подтверждает наш предшествующий анализ. Средний класс в силу самой своей природы психологически отторгает такую организацию, как секция, — но он вынужден был сделать этот политический выбор. Католиков подтолкнула к нему религиозная вера, фашистов — мистика национализма. Эти два типа партий, кстати сказать, уже в силу самого характера их доктрин выходят далеко за границы классов, и обычно им удается привлечь в свои ряды более или менее значительные массы рабочих. Дальнейшие исследования, без сомнения, показали бы, что секции с преобладанием в них рабочих функционируют лучше, чем те, где большинство составляют буржуа или крестьяне. Анализ истории социалистических партий, вероятно, подтвердил бы эти предположения. Ныне там заметна прогрессирующая деградация системы секций, которая идет рука об руку с их прогрессирующим обуржуазиванием. Было бы интересно подготовить серию монографий по истории социалистической секции — от ее возникновения и до наших дней (к сожалению, архивы редко сохранены и еще реже отличаются полнотой). Можно было бы с уверенностью констатировать, что активность секции сегодня значительно ниже, чем в «героический» период 1900—1914 гг. Это снижение энергии, вероятно, соответствует эволюции социальной структуры секции: ведь она постепенно утрачивала свой чисто рабочий характер. Сейчас в большинстве социалистических партий «пролетарские» секции выглядят гораздо более жизнеспособными, чем секции «буржуазные» или смешанные.

ЯЧЕЙКА

Две главные черты отличают ячейку от секции: база объединения и количественный состав. Как и комитет, секция строится на местной основе, несколько более узкой, правда, но всегда географически определенной. Ячейка же формируется по профессиональному принципу: она объединяет членов партии по месту работы. Так, различают ячейки заводов, мастерских, магазинов, бюро, администрации. Место жительства членов ячейки не имеет значения: в больших городах, где много предприятий,

использующих живущих в предместьях рабочих, члены одной и той же ячейки могут дать по этому признаку достаточно большой разброс. Особенно это характерно для ячеек, складывающихся в каких-либо обстоятельствах: например, «бортовые ячейки», которые объединяют моряков одного судна. В то же время наряду с производственными в силу необходимости существуют и локальные ячейки. Это либо объединение изолированных рабочих (в коммунистических партиях нужны всего три члена партии на предприятии, чтобы учредить ячейку), либо группы членов партии, которые работают индивидуально: ремесленники, врачи, адвокаты, коммерсанты и промышленники, фермеры. Такие ячейки в силу своей определенной географической привязки сходны с секциями. Но их база гораздо уже: это не коммуны, а деревни и поселки, кварталы, улицы, жилые дома (в городах с большим скоплением населения). Но подобного рода ячейки всегда носят вспомогательный характер: настоящая ячейка — это ячейка производственная, объединяющая членов партии по месту работы.

Количественно ячейка гораздо меньше секции. В среднем населенном пункте численность секции обычно превышает сотню членов, но нередко в ней насчитывается несколько сот и даже тысяч членов. Ячейка же никогда не должна достигать сотни: «Мы не без удивления обнаружили, что некоторые наши ячейки превышают сотню членов; излишне доказывать, что в таких ячейках невозможно успешное действие», — говорил Леон Мовэ в своем докладе по организационным проблемам на съезде Коммунистической партии Франции в 1945 г. И несколько далее уточнил: «У нас есть ячейки в 15—20 человек, которые делают втрое больше, чем те, где 50—60»². Таким образом, оптимальная численность ячейки — 15—20 членов. В то же время устав компартии не фиксирует никакого определенного потолка, и дело не только в количестве членов, но и в необходимости дополнительного подбора руководителей. Чтобы разделить слишком большую ячейку, нужно найти еще одного секретаря, способного выполнять свои функции. Г-н Леон Мовэ очень хорошо разъяснил это, заявив в том же докладе: «Как только сложились условия, чтобы создать два руково-

² Le Parti communiste français, puissant facteur de l'union et de la renaissance de la France, brochure / Editions du Parti. 1945. P. 10.

дства, нужно децентрализовать (то есть разделить) слишком разбухшие ячейки».

Сама природа и размеры ячейки обеспечивают ей гораздо большую — по сравнению с секцией — власть над ее членами. Речь идет, прежде всего, о группе абсолютно стабильной, поскольку она образуется прямо на месте работы, где ежедневно встречаются члены партии. Даже помимо собственно собраний контакт их постоянен. На входе и выходе с предприятия секретарь может легко распространить пароль, распределить поручения, контролировать деятельность каждого. Активность ячейки обратно пропорциональна ее средней численности: в секциях, состоящих из сотен людей, руководители не могут лично знать каждого, а тем более поддерживать прямой контакт со всеми. В ячейке же в 15—20 человек это не представляет особых трудностей. Сказывается и то, что члены ячейки хорошо знают друг друга и партийная солидарность здесь сильнее.

Профессиональный принцип предпочтительнее еще и потому, что создает конкретную и непосредственную базу для работы: проблемы предприятия, условия труда, оплаты — превосходный отправной пункт для солидного политического воспитания. Конечно, здесь таится и некоторая опасность: ячейка может целиком погрязнуть в профессиональных заботах и забыть вопросы чисто политические — это значит, что она выполняла бы обычную работу профсоюза. Такой «экономический» уклон представляет постоянное искушение: читая организационные отчеты съездам компартии, видишь, как много требуется усилий, чтобы помешать ячейкам впасть в этот соблазн³. Но в той мере, в какой удается избежать данной опасности, какая же замечательная база создается для политического воспитания масс! Главная трудность здесь — неминуемое расхождение между принципами и их повседневным воплощением. Если нести в народные массы глобальные идеи, даже самые привлекательные, но не уметь показать их непосредственные жизненные следствия, массы быстро разочаруются. Для них политика — не роскошь, как для большинства буржуа, которые любят идеи ради идей, особенно в латиноязычных странах. Но локальное объединение типа секции мало благопри-

³ См. интересные замечания А. Лекёра в его докладе XII съезду ФКП (1950). P. 13, 14.

является слиянию принципов и повседневных результатов: глобальная политика напрямую слабо связана с устройством канализации, ремонтом проселочных дорог или регулированием личных неурядиц. Зато она имеет самую тесную связь с ростом зарплаты, стабильностью занятости, условиями труда, организацией предприятия. Эта связь становится еще более тесной, когда партия исповедует марксистскую доктрину, согласно которой политика есть лишь надстройка над экономикой. А если партия прилагает постоянные усилия, чтобы связать каждое отдельное требование с общими принципами, каждой специфическую проблему — со всем комплексом своей политики, чтобы найти в рамках своей доктрины место для любого частного вопроса, она даст своим членам закалку такой прочности, которой нет равных; она будет иметь над ними совершенно исключительную власть.

Разумеется, пределы нашего анализа ограничены. Он верен главным образом для рабочих партий; в других ячейках скорее ослабит политическое воспитание и привязанность к организации; во всяком случае, она их не усилит. В рабочем менталитете (по крайней мере в Европе) условия труда и профессиональной деятельности принято считать результатом коллективной активности, политической по своей природе — ведь реально их улучшение достигалось именно путем коллективного, обычно политического действия. Буржуазия же, средние классы, крестьянство, напротив, склонны считать работу и профессиональную жизнь частным делом, поскольку для них успех, продвижение вверх связаны, главным образом, с индивидуальными, личными усилиями (американские рабочие, кстати, разделяют эту точку зрения); экономическое развитие, которое явно толкает к «дирижизму» [6], не изменило сколько-нибудь заметно этих настроений — именно поэтому средние классы и крестьянство и не приемлют дирижизма. Для самих рабочих партий проблемы труда — не единственная база политической жизни. В игре участвуют и многие другие факторы, и особенно — страсти, мистика веры. Как бы то ни было, принцип ячейки остается очень устойчивым, тем более что он позволяет (например, при помощи политической забастовки, организованной либо непосредственно партийной ячейкой, либо под прикрытием профсоюза) перевести на уровень предприятия политические проблемы, внешне весьма далекие от производственной жизни.

Наконец, отметим, что ячейка идеально подходит для подпольной деятельности. Секция к ней мало пригодна, так как здесь тайное действие сталкивается с неразрешимыми трудностями: возьмите, к примеру, оповещение каждого члена или назначение места сбора. В ячейках эти трудности легко преодолимы: ее члены встречаются каждый день на месте работы, им очень просто контактировать в любой момент, и почти никогда нет необходимости собираться всей группой. Можно без труда передать пароль, провести короткие тайные совещания при входе и выходе с предприятия — достаточно только увеличить количество ячеек, уменьшив численность каждой. Эта приспособленность ячейки к подпольной работе совершенно естественна, ибо она была создана именно для такого рода деятельности. Ячейки существовали, например, на русских заводах до 1917 г. — маленькие кружки, преследуемые полицией, которые ценой огромного риска вели революционную пропаганду. Вместе с тайными кружками интеллектуалов именно они составили фундамент русской социал-демократической партии. Когда фракция большевиков пришла к власти и была преобразована в коммунистическую партию, она сохранила ячейку, которая представляла собой превосходную базу для организации и воспитания пролетариата.

Секции были детищем социалистов, ячейки — изобретением коммунистов. Точнее, они были изобретением партии русских коммунистов, которое III Интернационал навязал затем всем коммунистическим партиям мира резолюцией от 21 января 1924 г.: «Центр тяжести политической организационной работы должен быть перенесен в ячейки». Эта установка осуществлялась не без труда. Особенно во Франции, где коммунистическая партия, образовавшаяся в 1920 г. путем раскола и выхода из социалистической, сохранила ее организационный принцип, то есть секцию, и где рядовые коммунисты оказывали новой системе известное сопротивление. Нужно напомнить, что разделение существующих секций, перегруппировка их членов в рамках предприятий, подбор значительного числа ответственных за вновь возникшие организмы поставили новую партию перед большими проблемами, которые трудно было решить без ошибок в деталях. Положение усугублялось еще и стремительностью преобразований (их предписывалось закончить в апреле 1925 г.). Интересные соображения по этому поводу мож-

но найти в докладе Мориса Тореза Лилльскому съезду ФКП (1926).

В отличие от секции, ячейка не стала объектом подражания, тем более подражания успешного. Большинство несоциалистических партий сложились, возникли, организовавшись на базе секций, — одни только коммунистические создавались на основе ячеек (нужно, правда, отметить развитие ячеек в некоторых фашистских партиях; см. далее) Этот феномен стоит прокомментировать. Понятно, что «буржуазные» партии плохо вписываются в организационные рамки производственной ячейки: на их базе невозможно сгруппировать коммерсантов, промышленников, врачей, сельских собственников. Ячейки могут объединять только служащих, чиновников, инженеров, но они всегда составляют лишь очень малую часть всей партии. Однако этот аргумент не объясняет, почему бы социалистическим партиям не принять на вооружение структуру, более эффективную в организационном отношении, чем секция? Решающей причиной, несомненно, выступает сопротивление профсоюзов: они увидели в производственной ячейке опасного соперника. В непрямых социалистических партиях вопрос о них даже не мог быть поставлен. А в других он получил бы отрицательный ответ в силу их фактической связанности с профсоюзным движением. Напомним, что в 30-е годы, когда ячейка как раз начала ярко проявлять свою эффективность, социалисты почти во всех странах имели поддержку большинства членов крупных профсоюзных центров. Для коммунистов профсоюзы были осаждаемой крепостью, в борьбе против которой ячейки служили хорошим оружием. Для социалистов же профсоюзы выступали оборонительным сооружением: они желали бы только устранить все то, что грозило их ослабить.

С другой стороны, значительную роль сыграли, конечно, настроения коммунистов. Сопротивление реорганизации коммунистической партии в 1924—1925 гг., по видимому, доказывает, что массы предпочитали старый принцип секций новой системе. Здесь, очевидно, нужно принять в расчет власть устоявшихся привычек и приверженность традициям. Однако сопротивление ячейкам было куда более сильным, чем обычное неприятие новшеств. Сегодня, когда эта система существует в коммунистических партиях уже 25 лет, среди их членов отмечается тенденция к предпочтению локальных ячеек

производственным. На последних съездах партии во Франции, особенно в 1950 г., этот феномен неоднократно подчеркивался, и руководители компартии упорно настаивали на фундаментальном характере производственной ячейки. «Это вопрос величайшего политического значения, он касается самой концепции нашей партии», — подчеркнул Морис Торез⁴. А. Лекёр в своем организационном докладе связал это охлаждение к производственным ячейкам с ложной ориентацией тех из них, которые замыкаются в чисто профессиональных требованиях и принижают политические проблемы. И все же напрашивается вопрос: так ли уж удовлетворительно это объяснение, и действительно ли предпочтение локальных объединений, то есть секций, не имеет более глубоких причин? Что работа секций (или локальных ячеек) менее эффективна, это несомненно. Но ведь многие примыкают к партии не только из-за работы: они ищут в ней отвлечения от повседневных забот, расширения своего горизонта, — «дивертисмента» (франц. *divertissement* — развлечение, увеселение, отвлечение; театр. — дивертисмент, вставной развлекательный номер. — *Прим. перев.*), как сказал бы Паскаль. С этой точки зрения собрания секций с их более широкими рамками, возможностью встреч с людьми из другой среды, докладами, дискуссиями, да и просто «говорильней» на местные темы обладают куда большей привлекательностью, чем собрания ячеек. Система ячеек может сложиться и поддерживаться только за счет постоянных усилий из центра. На такое усилие способна компартия, где власть руководства огромна; оно не по силам социалистическим партиям, более децентрализованным и менее дисциплинированным.

Говорят, что система секций закономерна для партии, которая организует народные массы, что она естественна — в отличие от искусственной, то есть требующей для своего поддержания постоянного напряжения, системы ячеек. Не стоило бы преувеличивать ни этой противоположности, ни трудностей выживания партий на производственной базе. Жизнеспособность ее французская компартия, может быть, особо подчеркнула сегодня тем фактом, что самый могущественный профсоюзный центр Франции ВКТ (Всеобщая конфедерация труда) напрямую подчинен

⁴ La lutte pour l'indépendance nationale et de la paix. Ed. du Parti (1950). P. 91.

ФКП. Когда главные профсоюзы идут за социалистами, коммунистическая ячейка имеет четкую основную задачу: война против них, выдвижение более высоких требований в борьбе за жизненные права трудящихся, — словом, подрыв профсоюзов изнутри. И наоборот, когда профсоюзы идут в фарватере компартии, возникает опасность дублирования их деятельности в работе ячейки. Вместе с тем заметно, что значение производственных ячеек ощутимо снизилось в ФКП в 1945 г. по сравнению с предвоенным периодом (см. табл. 2 и 3). Этот феномен отчасти объясняется изменением социальной структуры, нарушением ее пропорций за счет большего притока представителей средних классов и крестьянства по сравнению с рабочим классом (см. табл. 4). Но это не единственная причина: в 1944 г. численность производственных ячеек была ниже, чем в 1937, в то время как численность рабочих-коммунистов увеличилась. После 1946 г. доля рабочих в партии как будто возросла, тогда как число ячеек на предприятиях снизилось. Доклад, представленный А. Лекёром съезду ФКП в 1950 г., не содержит общих цифр, но там приводятся несколько характерных фактов, по поводу которых он замечает: «Речь идет не об отдельных случаях, а о примерах, которые вписываются в общую тенденцию»⁵. Таким образом, сохранение в силе положения о производственной ячейке в качестве базового элемента партии, по-видимому, сталкивается с известными трудностями, которые руководители партии стремятся преодолеть, поскольку они считают эту систему более эффективной по сравнению с секционной.

По отношению к рабочим партиям это, конечно, обоснованно. Секция организует людей, если так можно выразиться, небрежно, поверхностно, от случая к случаю. Ячейка же, напротив, в силу своих параметров и стабильности обеспечивает регулярный, тесный, основательный охват. Что работа в ячейке отталкивает многих сторонников партии, которые предпочитают ей «говорильню» секций, — это несомненно; но это как раз наименее зрелые, наименее искренние и наименее надежные ее члены. Другие же, напротив, видят в ячейке точный и надежный инструмент оперативного действия, и в то же время — своего рода центр воспитания. Производственный принцип, несомненно, составляет один из элементов силы ком-

⁵ Ibid. P. 14.

мунистической партии. Но нельзя не отметить, что это имеет своей оборотной стороной известное смещение центра политической деятельности. Комитет по самой своей сущности — организм электоральный и парламентский, средство для завоевания избирателей и давления на избранных: он позволяет организовать выборы и наладить контакт граждан с их депутатом. В секции эти качества уже ощутимо ослаблены. Ее собрания дают возможность просвещения членов партии; она ставит задачу не только добиваться успехов на выборах, но и давать своим членам политическое воспитание, и таким образом формирует элиту, непосредственно вышедшую из народа и способную действовать от его имени. Но при всем том электоральные и парламентские функции и здесь остаются преобладающими. В ячейке же они, напротив, становятся совершенно второстепенными. И по своим рамкам, и по своим масштабам ячейка — это инструмент, не приспособленный для избирательной борьбы: она не совпадает с округом или какой-либо частью округа; она задумана для действия внутри предприятия, но не для участия в политическом волеизъявлении. Конечно, ячейки можно использовать в агитационной работе во время избирательных компаний, но довольно сложным и окольным путем: они должны направляться какими-то другими органами.

Выбор ячейки в качестве организационной основы партии влечет за собой глубокую эволюцию самого понятия политической партии. Орган, предназначенный для завоевания голосов, связи с избранными, поддержания контакта между ними и избирателями превращается в инструмент агитации, пропаганды, организации масс и возможно — подпольного действия, для которого выборы и парламентские дебаты всего лишь одно из многих средств борьбы, и притом средство второстепенное. Не будет излишним подчеркнуть смысл подобной трансформации: она означает разрыв с существующим политическим режимом и органами, которые он создал для обеспечения своего функционирования. Становление всеобщего избирательного права и парламентской демократии породило политические партии; но эволюция этих партий придала некоторым из них структуру, способную устранить и выборы, и сам парламент. Система ячеек — только начальный элемент данного феномена: он включает и куда более серьезные.

МИЛИЦИЯ

Разрыв с электоральным и парламентским действием еще более очевиден у тех политических партий, которые взяли в качестве базового элемента милицию — род внутренней армии, члены которой организованы по-военному, подчинены той же дисциплине и получают ту же подготовку, что и солдаты. Они одеты в униформу со знаками различия, умеют, как солдаты, маршировать под музыку и со знаменами впереди; они способны повергнуть противника и оружием, и средствами психического давления. Но члены этих отрядов остаются гражданскими лицами; за некоторым исключением, они не мобилизованы и не находятся на содержании организации, их просто вызывают на сборы и регулярные тренировки. Они должны быть всегда готовы предоставить себя в распоряжение своих вождей. Среди них обычно выделяют две категории: одни составляют подобие активной армии, а другие — только резерв. Например, в СА, гитлеровских штурмовых отрядах, активная категория сзывалась три-четыре раза в неделю и почти каждое воскресенье для пропагандистских маршей или охраны политических собраний; милиционеры старше 35 лет или те, кого отвлекли профессиональные обязанности, были сгруппированы в отдельные части и несли менее обременительные повинности. Точно так же в организации итальянских боевых фаший, созданной в 1921 г., различались активные элементы *principii* и *triari* — нечто вроде территориальных подразделений, предназначенных для второстепенных целей.

Военный характер милиции обнаруживается не только в ее составе, но и в ее структуре. Она основана на небольших базовых группах, которые агломерируются в пирамиды и образуют все более крупные соединения. В национал-социалистических СА исходным элементом была команда (*schar*), включающая от 4 до 12 человек; объединение от 3 до 6 команд составляло взвод (*truppe*); 4 взвода — роту (*sturm*); две роты — батальон (*sturmbaum*); от 3 до 5 батальонов — полк (*standarte*), личный состав которого достигал от 1 000 до 3 000 человек; 3 полка составляли бригаду (*untergruppe*); от 4 до 7 бригад — дивизион (*gruppe*); каждый дивизион соответственно относился к одной из 21 германских земель. В основе союза ветеранов Рот Фронт, милиции Германской коммунистической

партии (распущенной в 1921 г. и позже восстановленной в виде Лиги антифашистской борьбы), были группы по 8 (позже по 5) человек, живущих в одном квартале, по возможности — в соседних домах, чтобы в случае необходимости их было легче собрать. Четыре группы составляли секцию (*abteilung*), а три секции — товарищество (*Kamradenschafts*). Фашистская организация Муссолини копировала тот же самый образец; базовой единицей выступали боевые команды (*squadri di combattimento*), сгруппированные в отделения, центурии, когорты и легионы — терминология заимствовалась из римской истории.

Никакая политическая партия никогда не строилась на основе одной только милиции. Наряду с отрядами СА в немецкой национал-социалистической партии были и производственные ячейки, и секции классического типа; так же обстояло дело и в итальянской фашистской партии, даже в период сквадризма — всесия и погромных акций фашистских боевых команд, а тем более — в коммунистической партии Веймарской республики, где рот-фронтская милиция играла роль охраны. С другой стороны, почти все партии вынуждены были обзаводиться чем-то вроде милиции, если они хотели поддержать порядок на своих публичных собраниях и защитить ораторов и участников. Это не мешает рассматривать милицию как фундаментальный базовый элемент некоторых партий, тогда как в других она играет второстепенную и неопределенную роль. Вообще редко бывает, чтобы партия основывалась исключительно на каком-то одном из четырех вышеупомянутых базовых элементов — кроме, может быть, старых партий XIX века, опиравшихся на комитеты. Партии, состоящие из секций, обычно имеют в коммунах, где секции пока еще не созданы, связанных с окружным комитетом индивидуальных корреспондентов; это очень напоминает избирательных агентов партий, базирующихся на комитетах (в качестве примера: в Валлонии христианско-социальная партия в 1948 г. располагала 677 местными секциями, а там, где их не было, имела еще 1847 корреспондентов). Партии на базе ячеек обязательно организуют очень похожие на секции локальные ячейки, чтобы объединить своих сторонников, которых нельзя сгруппировать в рамках предприятия. Точно так же и партия на базе милиции может иметь в своем составе сеть секций и ячеек, не утрачивая оригинальности. Организационное различие партий, базирующихся на

комитетах, секциях, ячейках или милиции, разумеется, существенно связано со спецификой их основного структурного элемента, но это не означает, что он абсолютно исключает все другие. Не обязательно даже, чтобы этот элемент объединял большинство членов партии. В компартии Франции производственные ячейки по числу членов уступают локальным; в национал-социалистической партии Германии численность СА никогда не превышала, кажется, даже трети всего состава партии (в 1922 г. — 6 000 членов СА из 15 000; в 1929 — 60 000 из 175 000; в 1932 — 350 000 из 1 200 000)⁶. И тем не менее производственная ячейка остается базовым структурным элементом компартии, а милиция играет ту же роль в партии наци. Каждый из них соответственно задает партии ее общую ориентацию, тактику, создает ее своеобразие, ее стиль.

Как ячейка — изобретение коммунистов, так и милиция — детище фашистов. Она соответствует прежде всего фашистской доктрине — этой смеси Сореля [7], де Морраса [8] и Парето [9], которая утверждает господство элит, активных меньшинств и необходимость насилия для завоевания и сохранения ими власти. Милиция организует эти меньшинства и дает им средства насильственного действия. Она обусловлена также социальной природой фашизма — инструмента буржуазии и средних классов, призванного предотвратить господство народных масс, противопоставляя их мощи силу оружия. Она в то же время объясняется историческим контекстом фашизма: посреди хаоса и анархии Италии 1920 г. фашии, заняв место несостоятельного правительства, устанавливают порядок — насильственный и примитивный, но скорый и зримый. Точно так же отряды СА, пробудив в веймарской Германии — побежденной, но отнюдь не утратившей милитаристского духа — надежду на возрождение армии, довольно быстро отняли господство над «улицей» у коммунистических и социалистических митингов.

Ясно, что милиция еще более далека от избирательной и парламентской деятельности, чем ячейка. И еще очевиднее, что она представляет собой не орудие организации, а средство разрушения демократического режима правда, может быть, менее эффективное, чем ячейка. Фашистские сквадры в результате похода на Рим приве-

⁶ Цифры приводятся по: Benoist-Méchin J. Histoire de l'Armée allemande. Paris, 1938. С возможными оговорками.

ли к власти Муссолини; нацистская милиция была в этом опорой для Гитлера, позволив ему разыграть сценарий пожара Рейхстага и последующего роспуска коммунистической партии, что обеспечило нацистам парламентское большинство безо всякого народного выступления. Кроме того, партии-милиции вовсе не пренебрегают парламентскими выборами на этапе борьбы за власть, как партии-ячейки: Гитлер свирепо реагировал на попытки Рэма [10], а Муссолини — на эксцессы сквадризма [11]. И тот, и другой участвуют в выборах, организуют интенсивную предвыборную пропаганду, плетут сложные парламентские интриги. Но это лишь один из аспектов их деятельности, и отнюдь не главный. Они использовали электро-парламентский механизмы главным образом для того, чтобы их разрушить, а не для действия в их рамках. Партии-ячейки делают то же самое.

Уместно поставить вопрос: а не свойственна ли этим двум структурам тенденция к взаимопроникновению и дополнению друг друга? Любопытно при этом отметить, что партии, в принципе базировавшиеся на милиции, весьма интересовались и ячейками, стараясь дать им достойное место в своей структуре. Производственные ячейки были достаточно развиты в национал-социалистической партии; в так называемом первом организационном отделе, стоявшем во главе партии, одно из трех основных подразделений (под руководством В. Шумана) ведало именно производственными ячейками⁷. Если итальянская фашистская партия накануне взятия власти и не имела ячеек в своем составе, то лишь потому, что их еще не было в европейских партиях вообще (известно, что все коммунистические партии, за исключением русской, признали их лишь в 1924 г.) Но мелкие фашистские партии, которые действовали в различных европейских странах накануне войны 1939 г., добивались — хотя и не без труда — создания их у себя. А с другой стороны, партии на базе ячеек были единственными (кроме, конечно, фашистских), кто иногда (хотя бы на время) создавал вокруг себя широко разветвленную сеть вооруженных отрядов. Разумеется, немало и других партий использовали милицию: немецкие социал-демократы имели «Знамя борьбы», австрийские социал-демократы — свою рабочую милицию; даже в Бельгии рабочая партия создала вооруженные мо-

⁷ Dokumente der Zeigeschichte. Munich, 1941.

лодежные отряды в 1920 г. Но эти попытки никогда не получали достаточного развития. Единственной немецкой политической партией (кроме наци), которая в противовес гитлеровским СА учредила сильную милицию, была коммунистическая. Еще более показательно развитие коммунистической милиции в 1945 г. в Европе: из многих партий, которые сражались в рядах Сопротивления и боролись с врагом, только коммунисты еще при оккупантах добились создания самостоятельной военной организации, с тем чтобы после Освобождения превратить её в ядро мощной народной милиции. Известно, какую роль сыграли подобные формирования в некоторых восточноевропейских странах, особенно в Чехословакии.

Эту тенденцию — одновременно использовать милицию и ячейку — можно было бы объяснить тем, что оба эти типа партии далеки от электоральных и парламентских методов: партия-ячейка безо всяких колебаний использовала милицию — и наоборот. А если пойти дальше, то нужно, вероятно, констатировать структурное родство двух систем: небольшие размеры базовых групп, тесный характер общения их членов, регулярность действия. Не обеспечивает ли ячейка некоего рода «гражданскую мобилизацию» своих сторонников, подобно тому как милиция — мобилизацию военную? Во всяком случае типы связей, которые сочленяют в единый организм эти малые группы — отряды и ячейки, в целом представляют собой явление одного и того же порядка.

III. СПОСОБЫ ИНТЕГРАЦИИ БАЗОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЕДИНУЮ СТРУКТУРУ

Как же связаны между собой эти малые базовые общности — комитеты, секции, ячейки, милиции, агломерация которых и образует партию? Эта проблема общего строения партий на первый взгляд — чисто техническая, а стало быть, второстепенная, но на самом деле по сущности своей политическая и первостепенная, так как способ связи и отношений между элементарными группами партии самым серьезным образом воздействует на ее членов, доктринальное единство, эффективность ее деятельности и даже на методы и принципы этой деятельности.

Как правило, общая структура политических организаций имеет тенденцию воспроизводить административную структуру государства: объединение базовых элементов принимает вид многоступенчатой пирамиды, совпадающей с официальным территориальным делением. Одна из этих ступеней обычно имеет доминирующий характер: она соответствует главной административной единице. Во Франции ячейки и секции объединяются в федерации департаментов, организации округов и кантонов носят второстепенный и подчиненный характер. В Бельгии все основано на округе, кантональные и провинциальные комитеты обладают гораздо меньшим значением. В Нидерландах это уезд, в Швейцарии — кантон и т. д. Однако в некоторых партиях обнаруживается тенденция к разрыву с административными рамками: ФКП давно использует «район» и «регион» — единицы чисто партийные, не имеющие административного аналога; ярко выраженное своеобразие было характерно для различных структурных уровней итальянской фашистской милиции; немецкие социал-демократические уезды не совпадают с границами земель (табл. 7), etc. Тенденция придавать одной из структурных ступеней доминирующее значение тоже не всеобща: есть партии, которые попросту множат базовые единицы, придавая им равное значение на всех уровнях. Такая структура имеет существенное влияние на степень централизации партии.

СЛАБАЯ И СИЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Сравним партию французских радикал-социалистов [12] и христианско-социальную партию Бельгии [13], каждая из которых являет собой репрезентативный тип определенной организации партий. Структура первой весьма слабая. Партия состоит в основном из комитетов, федераций и газет, коллективно в нее принятых. По общему правилу, только департаментские федерации могут входить в партию непосредственно, поскольку устав допускает вступление комитета лишь в том случае, если он внесен в списки федерации, даже если он в департаменте единственный. Но в уставе никак не регламентированы внутренняя структура этих федераций и способ интеграции комитетов в их рамках: каждая федерация может строиться по собственному выбору. Не более четко оп-

Глава вторая

Члены партии

Кого можно назвать членом партии? Ответов будет столько, сколько партий, и каждый будет зависеть от того представления о членстве, которое свойственно самой данной партии. Словосочетание «член партии» обозначает различную реальность у коммунистов и радикалов, в партии французских социалистов и британских лейбористов, католическом союзе Бельгии 1920—1930 гг., христианско-социальной партии 1945 г. В американских партиях оно вообще ничего не означает: можно лишь перечислить активистов, входящих в «машину», симпатизантов, которыми ее усиливают на время избирательных кампаний, участников *праймериз*, а также граждан, голосующих за кандидатов партии на выборах.

Внутри каждой партии к тому же существует несколько категорий членов. Мы уже видели это на примере лейбористской партии, которая с 1918 г. различает индивидуальных и коллективных членов. Даже в прямых партиях, которые знают лишь индивидуальное членство, единообразие — всего лишь видимость. Симпатизанты, члены партии, активисты, пропагандисты — вырисовывается целый ряд концентрических кругов, в каждом из которых партийная солидарность становится все более прочной. Будучи чаще всего официальными, эти различия тем не менее реальны. Есть степени «сопричастности» (*participation*) — так можно определить те узы солидарности, которые связывают человека с его партией. Но

только ли о степени следует говорить? Можно ли оценить степень причастности гражданина X к своей партии как в три или четыре раза большую, по сравнению с гражданином Y? Или речь идет скорее о различном качестве этой сопричастности? Так мы приходим к необходимости исследовать самую природу данного феномена, чтобы определить содержание той социологической связи, которая объединяет членов партийной общности.

Интереснейшая проблема, в которой отражаются две сущностные черты нашего времени: ренессанс малых групп и ренессанс религий. Связи сопричастности становятся все более и более прочными и вместе с тем они все более уподобляются структурам собственно религиозным. Закат официальных религий сопровождается восхождением религий политических. Понятие партии сегодня равнозначно понятию церкви — тот же клир, те же верующие, та же вера, та же ортодоксия и та же нетерпимость... Разумеется, этот феномен не носит единственного характера, поскольку в современном мире сосуществуют партии весьма различной природы. И в целом эти различия почти совпадают с различиями инфраструктуры, которой они определяются: старые партии на базе комитетов, слабо структурированные и децентрализованные, сохраняют прежний технический характер, члены их не слишком многочисленны и не слишком фанатичны; современные партии на базе ячеек и милиции, централизованные и организованные, объединяют массы фанатиков, а религиозная вера дополняется там почти военной дисциплиной; партии секционной структуры придерживаются примерно средней линии и носят светский характер: они велики по численности, и члены их связаны умеренной солидарностью. Но, может быть, это всего лишь возрастные особенности? Ведь первые — самые древние, вторые — наиболее молодые, а третьи занимают промежуточное положение и по возрасту, и по структуре.

I. ПОНЯТИЕ ЧЛЕНА ПАРТИИ

В обыденном языке понятие «член партии» (*membre du parti*) совпадает с понятием «приверженец» (*adhérent*) — по крайней мере в Европе. От него отличают понятие «симпатизант» (*sympathisant*) — «сочувствующий». Симпатизанты — это те, кто заявляет о своем благосклон-

ном отношении к доктрине партии и периодически оказывает ей поддержку, но остается вне партийной организации и партийной общности; строго говоря, симпатизант не является членом партии. Однако стоит только пойти чуть дальше, как это различие затушевывается, а порой и стирается. Эфемерность его особенно наглядно демонстрируют огромные расхождения при подсчете численности партий. В отношении некоторых из них даже самые серьезные исследования могут дать всего лишь приблизительные цифры. В 1939 г. журнал «Эспри» опубликовал в одном номере две вполне честные и объективные статьи, посвященные партии французских радикал-социалистов. Одна приписывала ей 80 000 членов¹, а другая — 200 000². Некоторые партии, напротив, могут установить численность своих членов почти с той же точностью, что и перепись населения, — например, социалисты и коммунисты.

Эта особенность объясняется не только лучшей организацией, более строгим ведением учетов и картотек: она связана с самой природой данной партийной общности. В каждой из этих партий термин «член партии» имеет свой собственный смысл и значение. По правде говоря, по отношению к партиям типа французских радикал-социалистов он вообще едва ли имеет смысл и значение. Понятие члена партии связано с определенной концепцией политических партий, зародившейся в начале XX века в ходе становления социалистических партий и затем уже позаимствованной другими. Оно не вполне вписывается в прежнюю концепцию политических партий, господствовавшую в XIX веке, в эпоху парламентских режимов с ценовыми ограничениями избирательного права. Это понятие выступает результатом той самой эволюции, которая привела к появлению партий кадровых и партий массовых.

КАДРОВЫЕ И МАССОВЫЕ ПАРТИИ

Различие кадровых и массовых партий не связано ни с их масштабом, ни с их численностью; дело не в различии размеров, а в различии структур. Возьмем, к приме-

¹Esprit, mai, 1939. P.176.

²Loc. cit. P. 209.

ру, французскую социалистическую партию: рекрутирование новых членов представляет для нее основную задачу как с политической, так и с финансовой точки зрения. Ведь она прежде всего стремится дать политическое воспитание рабочему классу, выделить из его среды элиту, способную взять в свои руки власть и управление страной. А это означает, что члены составляют самую материю партии, субстанцию ее деятельности — без них она напоминала бы учителя без учеников. С точки зрения финансовой партия также существенно зависит от взносов своих членов: первейшая обязанность секций состоит в том, чтобы обеспечить регулярные денежные поступления. Таким образом партия собирает средства, необходимые для политического просвещения и повседневной работы. Тем же путем она может финансировать и выборы — к аспекту финансовому присоединяется здесь политический. И этот последний аспект проблемы — основной, поскольку любая избирательная кампания требует больших расходов. Технологию массовых партий заменяет капиталистический способ финансирования выборов демократическим. Вместо того чтобы обращаться к нескольким частным пожертвователям с целью покрыть расходы на избирательную кампанию — промышленникам, банкирам или крупным коммерсантам (ведь тот, кто выдвигает кандидата и выбирает его, оказывается в зависимости от них), массовые партии распределяют груз издержек на максимально возможное число членов, так что на каждого из них приходится скромная сумма. Можно сравнить эту находку массовых партий с изобретением бонов Национальной обороны в 1914 г. Раньше казначейские боны выпускались крупными купюрами и размещались в нескольких крупных банках, которые под них одалживали государству деньги. В 1914 г. родилась гениальная идея выпустить множество мелких купюр и разместить их среди возможно более широкого круга публики. Точно так же и для массовых партий характерен призыв к общественности — она заплатит и позволит избирательной кампании партии избежать зависимости от денежных мешков; отзывчивая и активная, она получает политическое воспитание и приобретает инструмент для участия в государственной жизни.

Кадровые партии соответствуют другому понятию. Это объединение нотаблей, их цель — подготовить выборы, провести их и сохранять контакт с кандидатами.

Прежде всего это нотабли влиятельные, чьи имена, престиж и харизма служат своего рода поручительством за кандидата и обеспечивают ему голоса; это, далее, нотабли технические — те, кто владеет искусством манипулировать избирателями и организовывать кампанию; наконец, это нотабли финансовые — они составляют главный двигатель, мотор борьбы. И качества, которые здесь имеют значение прежде всего, — это степень престижа, виртуозность техники, размеры состояния. То, чего массовые партии добиваются числом, кадровые достигают отбором. И само вступление в кадровую партию имеет совершенно иной смысл: это акт глубоко индивидуальный, обусловленный способностями или особым положением человека, строго детерминированный его личностными качествами. Это акт, доступный избранным; он основан на жестком и закрытом внутреннем отборе. Если считать членом партии того, кто подписывает заявление о приеме в партию и в дальнейшем регулярно уплачивает взносы, то кадровые партии членов не имеют. Некоторые из них делают вид, будто они тоже, по образу и подобию массовых партий, заинтересованы в рекрутировании новых членов, но это не следует принимать всерьез. Если на вопрос о численности французской партии радикал-социалистов нет точного ответа, то причина в том, что сам вопрос лишен смысла. Членов партии радикалов невозможно учесть, так как она, собственно говоря, их не ищет: ведь речь идет о кадровой партии. К той же категории принадлежат американские партии и большая часть умеренных и консервативных европейских партий.

Это в принципе ясное различие не всегда легко поддается объяснению. Как только что было отмечено, кадровые партии в подражание массовым иногда открывают доступ обычным приверженцам. Явление довольно обычное — в чистом виде кадровые партии встречаются достаточно редко. Другие партии близки к подобной практике, однако их внешняя форма способна ввести в заблуждение. Но главное — не ограничиваться ни официальными пунктами уставов, ни декларациями руководителей. Достаточно верным критерием выступает отсутствие системы регистрации или регулярного взимания взносов: как мы далее увидим, подлинное членство без них немислимо. А по поводу неточности заявленных цифр можно выдвинуть любопытное предположение:

перед выборами 1950 г. в Турции демократическая партия заявила, что имеет «три — четыре миллиона членов». Надо полагать, она имела в виду симпатизантов: ведь фактически партия создавалась в основном как кадровая. С этой особенностью сталкиваешься и в непрямых партиях — массовых партиях, не имеющих индивидуального членства. Возьмем в качестве примера лейбористов: партия была создана в 1900 г. с целью обеспечить финансирование рабочих кандидатур на выборах. По характеру финансирования это — массовая партия, избирательные расходы коллективно покрываются профсоюзами. Но такое коллективное членство весьма отлично от индивидуального, оно не предполагает ни настоящего политического приобщения, ни личной ангажированности по отношению к партии. Это коренным образом меняет самую природу партии и принадлежности к ней, степень которых мы попытаемся далее уточнить. А с другой стороны, возьмем американские партии в тех штатах, где функционирует система *праймайруз* — закрытых первичных выборов с регистрацией участников; в политическом отношении она напоминает массовые партии. Такое участие в выборах — с регистрацией и обязательствами, которые она предполагает, — можно рассматривать как форму членства; кстати, участие в выдвижении кандидатов, выставляемых партией на выборы, составляет одну из типичных обязанностей ее члена. Только в данном конкретном случае это единственная его обязанность: у американцев нет никакого аналога собраниям секций массовых партий. А главное, здесь нет системы регулярных взносов, обеспечивающей избирательную кампанию, так что с точки зрения финансовой перед нами, строго говоря, партия кадровая. В конечном счете непрямые партии и партии типа американских нужно считать партиями полумассовыми, не возводя это понятие в ранг какой-то третьей категории, противоположной двум первым в силу ее своеобразия.

Различие кадровых и массовых партий обусловлено социальной и политической инфраструктурой. В основных чертах оно соответствует замене ограниченного избирательного права всеобщим. В условиях цензовых избирательных режимов, которые в XIX веке были правилом, партии носили четко выраженную кадровую форму. Вопрос о вовлечении масс не стоял, поскольку они не имели никакого политического влияния.

В то же время финансирование выборов капиталистами казалось совершенно естественным. Оно, кстати, немало пережило ограниченное избирательное право. На деле утверждение всеобщего избирательного права далеко не сразу привело к появлению настоящих массовых партий. Кадровые партии сперва пытались просто либерализовать свои структуры, имитируя их открытость массам. Этой первой фазе в английской либеральной партии, например, соответствует бирмингемская система уже упомянутых *caucus*, в консервативной — *Primrose League* (первичная Лига), в Америке введение первичных выборов.

Речь шла о том, чтобы дать некоторый выход политической активности масс и придать нотаблям, составляющим комитеты, видимость народной инвеституры. Два первые случая действительно близки к массовым партиям: принцип членства, так же как и регулярные взносы, формально существовал. Но настоящая жизнь партии развертывалась фактически помимо этих ее членов. Так, *Primrose League* была органом по сути дела отличным от партии в силу разнородности их социального состава; первичные выборы ограничивались выдвижением кандидатов. Одни только *caucus* с их квартальными секциями выступали прообразом настоящей массовой партии, но и это был лишь переходный опыт. Политическая и финансовая база массовых партий отсутствовала, и еще не встал вопрос о том, чтобы отказаться от финансирования кандидатов и самих выборов капиталистами; еще не было речи о политическом воспитании масс и прямом использовании их активности в политической жизни. Скорее речь шла о том, чтобы использовать силу масс — политическую и финансовую — как точку опоры. Первый шаг был сделан, но это был всего лишь первый шаг.

Практическое осуществление всеобщего избирательного права вызвало почти повсюду (кроме США) развитие социалистических партий, которые на этом этапе бесповоротно утвердились на политической арене, хотя и не везде одновременно и сразу (табл. 6). Во Франции, например, первые социалистические объединения не так уж отличались от буржуазных партий; регистрация приверженцев, сбор членских взносов, самостоятельное финансирование выборов развивались довольно медленно. Еще более это характерно для Италии и других политически менее развитых стран. Однако накануне войны 1914 г. европейские социалистические партии оформились в

большие человеческие общности, коренным образом отличные от прежних кадровых партий; немецкая социал-демократия, например, с ее миллионом членов, с годовым бюджетом почти в 2 миллиона марок представляла собой настоящее государство, более могущественное, чем некоторые национальные государства. К этой мощной структуре привела марксистская концепция партии-класса: если партия есть политическое выражение класса, она естественно должна стремиться к тому, чтобы охватить его в целом, сформировать политически и выделить из него руководящую и правящую элиту. Вместе с тем это позволило освободить рабочий класс от опеки «буржуазных» партий: чтобы выставлять на выборах независимых рабочих кандидатов, необходимо было уйти от капиталистического финансирования (иначе под видом поддержки происходили вещи прямо противоположные), а это было возможно только за счет финансирования коллективного. Чтобы противопоставить буржуазной политической прессе прессу рабочую, нужно было объединить капиталы и организовать распространение газеты — только массовая партия могла это обеспечить.

Все это объясняет, почему различие кадровых и массовых партий почти абсолютно совпадает с делением на правых и левых, на «буржуазные» и «пролетарские» партии. Буржуазная правая не нуждалась в привлечении масс ни в финансовом, ни в политическом смысле: она располагала собственными кредиторами, собственными нотаблями и собственными элитами. Она считала достаточной свою политическую культуру. Здесь же содержится и ответ на вопрос о том, почему вплоть до выхода на политическую арену фашистов попытки создания массовых консервативных партий обычно терпели поражение. Здесь играло свою роль инстинктивное отвращение буржуазии к объединению и коллективному действию, так же как прямо противоположные тенденции рабочего класса благоприятствовали превращению социалистических партий в массовые. Уместно напомнить здесь наши предшествующие замечания. Понадобилось развитие коммунизма и революционных методов политической борьбы, чтобы заставить буржуазию понять недостаточность кадровых партий и всерьез заняться организацией массовых партий: в 1932 г. национал-социалистическая партия имела 800 000 членов. Но в на самом деле это означало разрыв с демократией. Для действия в рамках из-

бирательной и парламентской системы правой обычно достаточно кадровых партий, а в борьбе против этой системы массовые партии фашистского типа редко проявляют устойчивость и стабильность пролетарских партий. К тому же они имеют тенденцию утрачивать природу чисто массовых партий, как мы это вскоре увидим.

И, наконец, различие кадровых и массовых партий определяется теми их особенностями, которые связаны с различными типами партийной инфраструктуры. Кадровые партии — партии комитетские, децентрализованные и слабо интегрированные; массовые — это чаще всего партии, основанные на секциях, более централизованные и с более жесткой структурой. Различия в технике организации накладываются на различия в самой природе организуемых общностей. Партии, построенные на базе ячеек и милиции, тоже принадлежат к категории массовых, но здесь этот характер менее ясно выражен. Конечно, коммунистические и фашистские партии — даже до взятия власти и установления однопартийной системы — охватывают столь же многочисленные массы, как и социалистические: 800 000 членов немецкой национал-социалистической партии в 1932 г.; 1 000 000 членов французской компартии в 1945 г.; 2 000 000 итальянских коммунистов в 1950 г. Как бы там ни было, тенденция вырисовывается ясно. Известно, что коммунисты периодически устраивают внутренние чистки с целью освободиться от аморфных, пассивных и подозрительных: таким образом качество восполняет количество. Они имеют к тому же тенденцию строжайшим образом контролировать своих членов. Некоторые социалистические партии предвосхитили такого рода контроль, но эта система мало у них привилась, тогда как коммунисты показали себя на этой стезе куда более последовательными. В фашистских партиях тенденция ориентации на качество выражена еще определеннее, правда, может быть более решительно в доктрине (чисто аристократической), нежели на практике: громадный количественный рост партии в последние предшествующие захвату власти годы, разумеется, должен был стать препятствием для серьезной фильтрации ее членов.

Как бы то ни было, общая тенденция не вызывает сомнений. Напрашивается лишь вопрос: можно ли еще в данном случае говорить о массовой партии или речь должна идти о ее постепенном переходе к новой концеп-

ции, к третьей категории — партии «верных», более открытой по сравнению с кадровой и более закрытой, чем массовая. Согласно ленинской концепции, партия не должна охватывать весь рабочий класс, она — только его ведущее крыло, передовой отряд, «партия наиболее сознательных». Это не концепция партии-класса — это концепция партии-элиты. Фашистские доктрины в этом отношении еще более откровенны. Пронизанные антиэгалитаризмом и нищенством, аристократические по своей сути, они видят в партии некий «орден», состоящий из лучших, самых преданных, самых отважных, самых одаренных. Эра масс остается позади: мы вступили в эру элит. Понятие члена партии обнаруживает тенденцию к диверсификации: в партии обозначаются концентрические круги, соответствующие различным степеням преданности и активности. У национал-социалистов мы видим партии в самой партии — сперва СА, затем СС. Официальная доктрина коммунистов, казалось бы, противостоит такой иерархии; однако и здесь можно выделить стабильный и прочный «внутренний круг», выступающий центром объединения массы рядовых членов, нередко довольно нестабильной. Подобные различия были весьма ощутимы во французской компартии перед войной.

Но не стоит преувеличивать значения этих явлений, они остаются пока еще ограниченными. Коммунистические и фашистские партии можно по-прежнему относить к категории массовых, не забывая об известной их специфике, тем более что и социалистические партии на раннем этапе своей истории обнаруживали некоторые аналогичные черты: они отличались большой требовательностью к пополнению и, пока возраст не умерил их претензий, желали быть «партией верных». Последнее понятие слишком неопределенно, чтобы возвести его в ранг особой категории. Но за ним стоит известная реальность, и анализ природы причастности к партии еще приведет нас к необходимости рассмотреть и эту ее форму.

КРИТЕРИИ ЧЛЕНСТВА

Формальный механизм вступления в партию имеет только в массовых партиях. Он включает написание заявления — одинакового для всех — и ежегодную уп-